

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

(СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*А.П. ХИЛЬКЕВИЧ, доктор философских наук,
профессор Минского института управления*

Почему преступность в XXI веке распространена в столь угрожающих масштабах, если человечество озабочено девиантным поведением еще с древних времен и на протяжении всей своей истории предпринимает меры противодействия? На этот вопрос автор предлагает ответ: потому что общество в своей истории не просто продуцирует преступное поведение, но и воспроизводит факторы, его порождающие. Они могут быть пассивными (общество предьявляет себя формирующейся личности таким, каким оно есть – со своими плюсами и минусами) и активными (целенаправленное или стихийное воздействие в группах присутствия – семье, учебных и трудовых коллективах, неформальных группах вне коллективов и др.). Отсюда главная социальная задача в воспитании новых поколений – нейтрализация, локализация факторов, порождающих девиантное поведение.

Ключевые слова: законы, регуляция поведения, преступное поведение, типы криминальной личности, дефекты социализации, закрепление негативных установок, апперцепция, доминанта.

В первобытнообщинном обществе, как известно, поведение человека регулировалось традициями, обычаями. Затем, с формированием государства, нормы поведения обрели форму правовых предписаний, каковыми, например, были законы Хаммурапи (Вавилон, XVIII в. до н.э.), законы Драконта, или Дракона (Афины, VII в. до н.э.), Солона (Афины, VI в. до н.э.), законы Двенадцати таблиц (Рим, V в. до н.э.) и др. «Не делай сам того, что порицаешь в других», – провозгласил принцип поведения известный древнегреческий философ Фалес (VI в. до н.э.). Кстати, этот принцип лег в основу этики Иммануила Канта (1724-1804 гг.), его знаменитого принципа «категорического императива»: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства» [4, с.33]. Иными словами, каждый должен вести себя так, как он хотел бы, чтобы вели себя другие в его окружении.

Любопытно, что Пифагор Самосский (VI в. до н.э.), всем известный как автор теоремы о сумме квадратов катетов, равной квадрату гипотенузы, оставил миру «Золотые стихи», содержащие призыв: «Так обуздай же в себе мощным усилием воли алчную жадность и лень, похоть и гнев безрассудный. Равно один и при людях бойся дурного поступка; больше всего же стыдиться должен ты сам пред собою. Будь справедлив и в словах, и в поступках своих неизменно, следуя в них непреклонно велень-

ям ума и Закона». Эти стихи дважды в день – утром и вечером, как молитва, читались в пифагорейских общинах, или союзах, в ряде стран на протяжении нескольких веков.

В этой связи возникает далеко не риторический вопрос: почему, если даже древние были столь озабочены отклоняющимся от нормы поведением, а все последующие поколения тоже не относились к нему индифферентно, спустя два с половиной тысячелетия преступность расцветает пышным цветом? Ответ, по-видимому, может быть следующим: в обществе из поколения в поколение воспроизводятся факторы, порождающие деструктивное поведение.

Что же это за факторы?

Прежде всего это дефекты социализации личности в процессе становления и изменения ее духовных параметров. Однако вначале следует уточнить, о какой личности здесь идет речь.

Во второй половине 70 – первой половине 80 годов минувшего столетия в юридической литературе активно обсуждался вопрос о том, отличается ли личность преступника от личности правопослушного гражданина. Мнения разошлись. Одна группа ученых настаивала: да, отличается, поскольку личность преступника – антиобщественна по своему внутреннему содержанию (А.Б. Сахаров), у нее свои специфические установки (Б.С. Волков), определенный комплекс внутренних деформа-

ций (Г.М. Миньковский), словом, это – десоциализированная личность (С.Н. Стучков) [10, с. 12, 23, 28, 47]. Другие высказывали обоснованные сомнения: а можно ли ставить знак равенства между сознательным убийцей и нарушителем правил дорожного движения, сторожем или часовым, уснувшим на посту? (Ю.Д. Блуштейн) (см. [11, с. 50-51]). Третьи (Г.Л. Смирнов) считали, что некоторые преступления хотя и наказываются в уголовном порядке, но за ними не стоят антиобщественные установки и устремления [9, с. 324-325].

Такой разброс мнений дал основание К.К. Платонову развести два понятия – *личность преступника* (любой гражданин, совершивший деяние, наказуемое в уголовном порядке) и *преступная личность* (криминально насыщенная, со стойкими асоциальными установками) [7, с. 99]. Но еще до этого А.Г. Ковалев поставил вопрос о различной степени криминогенной насыщенности преступной личности и выделил в ней три уровня: *предкриминальный* тип (невыдержанный, вспыльчивый, может совершить хулиганский поступок в конфликтной ситуации), *парциальный* (частично зараженный криминогенными установками) и *глобальный* преступник (полная преступная зараженность) [6, с. 48]. В этой классификации, на наш взгляд, не достаёт категории *случайный преступник*. К.К. Платонов называет такой тип «случайно-небрежным». По-видимому, данная классификация и должна включать в себя этот тип – *случайный*, или *случайно-ситуативный* преступник (вполне нормальный человек, но не справился, к примеру, с управлением автомобиля на скользкой дороге). В народе ведь не зря говорят: «От сумы и тюрьмы не зарекайся».

Таким образом, здесь речь идет о криминально насыщенной, в той или иной степени зараженной криминогенными установками преступной личности. Как отмечалось выше, причиной ее возникновения являются дефекты процесса восприятия, усвоения и присвоения личностью социальных норм, ценностей, поведенческих стереотипов и воспроизведения их в собственном поведении. Эти дефекты могут усугубляться (иногда даже породиться) так называемыми факультативными, т.е. необязательными, биологическими и др. предпосылками. Среди них Г.А. Аванесов отмечает:

- патологию физиологических потребностей, нередко приводящую к сексуальным извращениям и половым преступлениям;
- нервно-психические заболевания – пси-

хопатии, неврастении и пр., затрудняющие самоконтроль;

- психофизиологические перегрузки;
- наследственные заболевания, особенно отягощенные алкоголизмом [1, с. 226-230].

Ф.Г. Углов приводит следующую небезынтересную статистику: наблюдения за 1500 роженицами и их детьми свидетельствуют, что различные отклонения в организме отмечены у детей, рожденных от 2% непьющих матерей, 9% – умеренно пьющих и от 74% матерей, злоупотребляющих алкоголем [11, с. 25].

Одним из биологических факторов, затрудняющих социализацию личности и порой искажающих ее результаты, являются так называемые хромосомные аномалии. Не так давно установлено, что наличие в клетках мужского организма излишней «х» или «у» хромосомы влечет умственную отсталость и (или) агрессивность [5, с.163-165]. Однако все эти факторы не имеют решающего значения для формирования преступной личности. Определяющую роль здесь играет общий контекст ее социализации.

Социализация личности включает в себя, на наш взгляд, три основных составляющих звена:

- 1) социальные воздействия на личность;
- 2) интериоризацию социальных воздействий и формирование индивидуальных психологических установок, выражающих отношение личности к окружающей действительности и к себе;
- 3) закрепление установок в процессе поведения, деятельности.

1. Социальные воздействия на личность. Со времен Теофраста (372 – 287 гг. до н.э.), впервые давшего классификацию человеческих характеров и объяснявшего ее сугубо социальными факторами, много написано о влиянии социума и ближайшего социального окружения на формирование личности. В этом влиянии, по-видимому, следует различать две формы – пассивную и активную. Пассивная – это предьявление обществом самого себя, влияние самим фактом своего существования. Общество предстает перед формирующейся личностью во всем многообразии своих качественно-количественных определенностей. Оно предьявляет личности величие человеческого духа и низость его падения, достижения цивилизации и ее трудности – экономические сложности, политические проблемы, бытовые неурядицы, невыполненные программы и т.д. Понятно, что все это человек не может не восприни-

мать и не выносить из этого определенного впечатления.

Активное влияние осуществляется, во-первых, через группы присутствия – малые и большие, во-вторых, через индивидуально-личностные связи и, в-третьих, через средства массовой информации. В каждом из этих звеньев могут иметь место и, к сожалению, нередко имеют источники дефектов социализации личности, ее нравственной, правовой и иной деформации. Издержки влияния неблагополучных семей, некоторых подростковых групп вне пределов учебного заведения проанализированы Г.Г. Шиханцовым, В.Л. Васильевым, другими авторами [13, с. 28-48, 77-89], и здесь нет необходимости повторяться. Что же касается СМИ, то многие из них сегодня «не имеют обоснованной информационной концепции» в сфере правовой пропаганды, что «ведет к бессистемному подбору материалов и программ» [8, с. 87-88]. Засилье на телеэкранах американских боевиков со сценами насилия, истязаний, с примерами гедонизма, откровенного секса и т.п. «усиливает негативный эффект ряда указанных программ» [там же]. В этом же ряду стоят завозимые из России и продаваемые в Беларуси ярко и откровенно иллюстрированные журналы «Клубничка», «Эрос», «Суперсекс», «Невеста на ночь» и им подобные. Покупают их, как известно, в основном подростки и молодежь.

2. Интериоризация социальных воздействий, т.е. их принятие, переведение во внутренний план, в свой духовный мир и «переработка», протекает индивидуально и влияет главным образом (если не сказать – решающим) на формирование системы поведенческих установок личности. Именно здесь, по нашему мнению, следует искать ответ на вопрос, почему в одном и том же коллективе, в одной и той же семье есть «плохие» и «хорошие», «законопослушные» и «правонарушители», хотя все они подвергались одним и тем же социальным воздействиям?

В орбиту изучения данного вопроса представляется уместным включить два таких психофизиологических феномена, как доминанта и апперцепция. Эти феномены недостаточно актуализированы в контексте исследований криминогенных установок личности.

Совершенно нетрудно мысленно смоделировать ситуацию, когда ребенку в детском, подростковом, а потом, может быть, и в юношеском возрасте твердят что-нибудь вроде:

– Ты растяпа, разгильдяй, несобранный, неорганизованный, лентяй, увалень... И вооб-

ще, если ты будешь себя так вести, мы не будем тебя любить! – И это – в семье, садике, школе...

Или наоборот:

– Солнышко ты наше! – И так всегда, невзирая на проступки и прегрешения (дескать, подрастет – образумится).

Одна из этих формул при постоянном ее повторении может стать фиксированной точкой внимания на так называемом «отраженном Я». «Отраженное Я» – это представление личности о том, как она выглядит в глазах окружающих. Разумеется, данное представление не может не сказываться на поведении личности. Если фиксированная точка внимания к отрицательному «отраженному Я» не совпадает с положительным собственным представлением о себе и это противоречие со временем закрепляется, оно может стать доминантой (в понимании физиологии активности).

Доминанта, по А.А. Ухтомскому, есть наиболее возбужденный очаг в коре головного мозга, который, притормаживая соседние участки коры, притягивает к себе их нервные возбуждения [12, с. 73-95]. В результате вся информация с соседних, а, возможно, и более отдаленных участков преломляется через доминанту, получая соответствующую окраску и истолкование.

Диапазон вариантов доминанты безграничен: «Я – хороший, послушный, дисциплинированный мальчик»; «Я – шалун, но мне прощают, потому что любят меня»; «Я – разгильдяй в их представлении, ну и пусть»; «Меня здесь не понимают, не любят, я здесь ненавистен»; «Я здесь не нужен никому» и т.п. Коварство подобного рода доминанты состоит еще и в том, что она настраивает на свой лад механизмы *апперцепции*, т.е. влияния прошлого опыта и всей духовной ипостаси личности на восприятие предметов и явлений действительности «здесь и сейчас». В результате все или многое, что происходит вокруг личности и может быть истолковано в контексте отношения к ней, воспринимается как проявление, продолжение прежних отрицательных отношений (замечаний, упреков, увещаний и пр.). Формируется система установок (в данном случае – система внутренних психологических преднастроек) на восприятие того, «как ко мне относятся». Восприятие отрицательных или якобы отрицательных отношений к себе приобретает кумулятивный (накопительный) характер, и однажды наступает «точка кипения», которая выплескивает внутренний духовный протест во внешний

(своеобразное стремление «доказать», «показать», «самоутвердиться») в форме практического действия – проступка или преступления.

3. Закрепление установок в процессе поведения, деятельности. Следует отметить, что путь от социально негативной установки к социально негативному поступку, действию – дорога с двусторонним движением. Не только отрицательные установки порождают девиантное поведение, но и девиантное поведение закрепляет, утверждает для субъекта и усиливает его отрицательные установки. Это обусловлено стремлением личности к самопониманию, самообъяснению и самооправданию себя в собственных глазах. Кроме того, у личности с девиантным поведением есть надежда на то, что среди ее окружения, и прежде всего «значимых других», найдутся такие, которые «...поймут, что я не идиот, а были у меня достаточно веские причины» [2, с. 218; 3, с. 103-143]. А обоснование «вескости» необходимо, прежде всего, перед самим собой. И оно закрепляется, привлекая к себе по законам доминанты и апперцепции все добавочные аргументы.

Таким образом, круг замыкается: отрицательные установки вызывают адекватные поступки, а эти последние усиливают установки, изначально породившие отрицательные поступки.

Из приведенных здесь общих рассуждений вытекают вполне определенные практические выводы. Общество должно искать и находить способы, условия и средства к тому, чтобы не допустить девиантно начинающую личность на преступный «круг» или прервать эту кривую в

любом ее пункте (чем раньше, тем лучше). В этом состоит важнейшая задача всех социальных структур, а не только правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
2. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические закономерности поведения человека в социуме. СПб., 2002.
3. Зимбардо Ф., Ляйпне М. Социальное влияние. СПб., 2002.
4. Кант И. Критика практического разума. СПб., 1908.
5. Кузнецов Н.Ф. Проблемы криминогенной детерминации. М., 1984.
6. Личность преступника. М., 1975.
7. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.
8. Прикладная юридическая психология / Ред. А.Ш. Столяренко. М., 2001.
9. Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование типа личности. М., 1980.
10. Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979.
11. Углов Ф.Г. Из плена иллюзий. М., 1986.
12. Ухтомский А.А. Доминанта. М. – Л., 1966.
13. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. М., 2002.